

Неизвестные факты и страшные цифры об уничтоженной деревне Ола

Ола — сестра Хатыни

В Беларуси, пожалуй, нет ни одного района, в котором хотя бы одна деревня в годы Великой Отечественной не повторила судьбу Хатыни. И расследование, которое проводит Генеральная прокуратура, открывает все новые и новые факты геноцида населения нашей страны. Так, в Паричском районе (в 1961 году он переименован в Светлогорский) тогда еще Бобруйской области за весь период оккупации с 1941-го по июль 1944-го было уничтожено десять населенных пунктов: Паричи, Щедрин, Шатилки, Ковчицы, Печище, Хутор, Круки, Шупейки, Малимоны и Ола.

К началу войны деревня Ола насчитывала 34 дома и 168 жителей.

В доме жили по 40 человек

Согласно актам Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, материальный ущерб, нанесенный оккупантами на территории Бобруйского района, по неполным данным, составил свыше 7 млрд советских рублей. В то время как о Хатыни скорбит весь мир, об Оле узнали совсем недавно. И это при том, что по количеству жертв это 12 Хатыней.

Сегодня такой деревни нет. Возникла же Ола в XIX веке на правом берегу одноименной реки в окружении вековых лесов и непроходимых болот. В документах с 1875 года этот населенный пункт на шесть дворов Бобруйского уезда Минской губернии — государственная собственность. По переписи 1917 года Ола входила в Паричскую волость: три хозяйства и 18 жителей.

Накануне войны начальную школу окончили 35 учеников. Жители (а это 168 человек) трудились в колхозе «Путь социализма». Хозяйство славилось высокими урожаями льна, конопли, проса и овощей. Речные луга и пастбища способствовали развитию животноводства.

Поскольку деревушка затерялась в глухом лесу, гитлеровцы поначалу особого интереса к Оле не проявляли. Поэтому сюда семьями и стремились жители окрестных сел. Особенно по мере того, как приближалась линия фронта. Беженцами в основном были старики, женщины и дети. Они ютились в хатах, землянках и хлевах. По словам очевидцев, Ола в ту зиму была переполнена: в каждом доме по 30 — 40 человек. Не то что лечь, сесть негде. Спали по очереди.

Так случилось, что именно здесь, в окружении болот и лесов, в 1944 году собрались жители 12 деревень: Чирковичи, Здудичи, Ракшин, Рудня, Какаль (Светочь), Искра, Дедное Светлогорского района и Коротковичи, Плесовичи, Антоновка, Сельное, Мормаль Жлобинского района.

«Вспыхнула факелом и скрылась за дверьми»

В фондах Светлогорского историко-краеведческого музея сохранились воспоминания выживших свидетелей той трагедии. Так, по одной из версий, со слов Татьяны Семеновны Колейчик, жительницы деревни Мольча Светлогорского района, «...в конце декабря 1943 года на мосту через реку Олу кто-то убил, а может, ранил немецкого солдата». Согласно другой версии жители деревни Чирковичи, партизаны Василий Стукач и Петр Устименко, на этом же мосту застрелили военного курьера фельдъегеря почтовой службы германской армии. Местное население, боясь расправы, укрылось в лесу. А в ночь с 13 на 14 января вернулись в свои хаты. Испокон веков 14 января в Оле отмечали престольный праздник Василия Великого. Никто не ждал беды — Красная армия близко.

Согласно акту № 142 Паричской районной комиссии ЧГК о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в районе, от 10 апреля 1945 года 14 января в 8 часов утра в деревню Ола ворвались солдаты вермахта. И, как затем говорилось в сообщении Советского информбюро от 7 апреля 1944 года, «в течение дня расстреляли и сожгли свыше тысячи мужчин, женщин и детей».

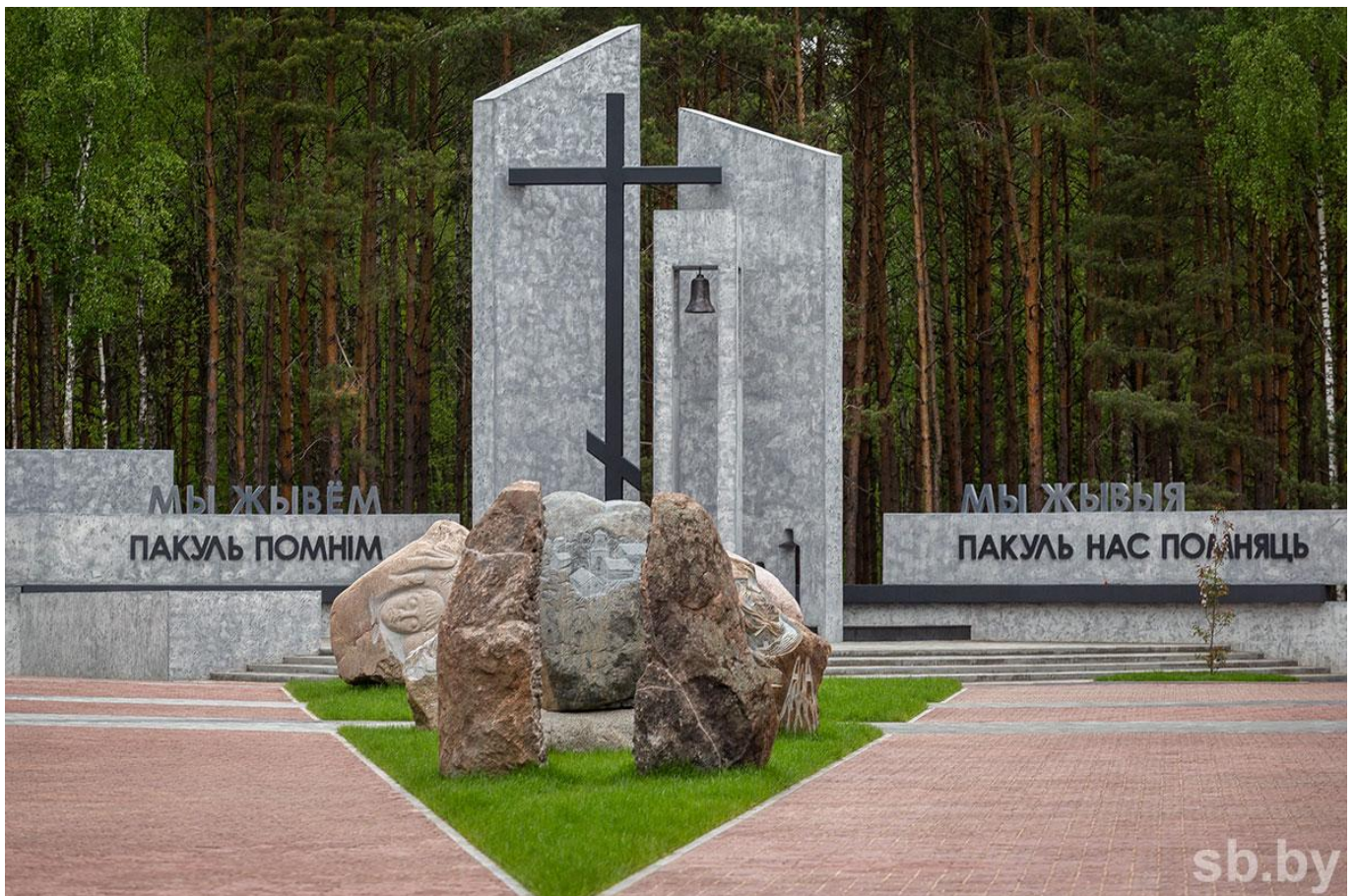

Точное количество безвинных жертв будет подсчитано позже. Согласно данным Чрезвычайной комиссии Чирковичского сельского Совета, в тот день всего было сожжено и расстреляно 1758 человек: 950 детей, 508 женщин, 100 мужчин, 200 стариков...

Карательная операция по уничтожению Олы проводилась под командованием генерал-лейтенанта, командующего тыловым округом 2-й танковой и 9-й пехотной армий Фридриха Густава Бернгарда и генерал-майора, военного коменданта городов Орел, Брянск и Бобруйск, начальника Орловского административного округа и Бобруйского укрепленного района Адольфа Гаманна.

Каратели окружили деревню. Под выстрелы и дикий лай собак всех, якобы для регистрации, согнали в большой колхозный сарай. Пытавшихся бежать расстреливали автоматными очередями. Тех, кто прятался в землянках и ямах, находили собаки. Из сарая людей забирали группами, заявляя, что для отправки в тыл. На самом же деле отводили в другой конец деревни, заталкивали в дома, которые поджигали.

Многих, на тот момент еще живых, потрясла смерть Аксиньи Тимофеевны Курлович, жены бухгалтера колхоза. Вот как описывает ее гибель свидетель той трагедии Тарас Колеснев: *«От толпы отделилась женщина в фуфайке, большом клетчатом платке и подошла к толстому офицеру. Через переводчика она попросила не пощады, а разрешения умереть в своей хате. Ее дом, напротив которого стоял офицер, уже занимался огнем. Под дружный хохот фашистов она развернулась и твердым шагом пошла к горящей избе. Единственное, крикнула соседке Александре Семеновне Дикун беречь дочек, наивно думая, что фашисты не тронут 110-летнюю старуху и маленьких детей. Следом за Аксиньей бежал солдат и на ходу обливал ее бензином. Женщина не обращала на это внимания. Даже немцы смотрели на это с удивлением. Офицер достал пистолет, навел на женщину, но выстрелить не успел: на пороге своего дома она вспыхнула факелом и скрылась за дверьми».*

Выжить в аду

В тот день сельчане гибли от огня, пуль и взрывов гранат. Стариков и детей живыми бросали в огонь, а тех, кто выбегал из пламени, расстреливали.

Спасти из этого ада удалось единицам. Их рассказы, записанные и собранные в фондах Светлогорского историко-краеведческого музея, — доказательство геноцида.

До освобождения деревни оставалось всего пару недель. 27 января 1944 года страшное пепелище предстало перед солдатами 41-й стрелковой дивизии 48-й армии. Они были шокированы.

Вот как об этом писал армеец Сергей Голицын: «Я был потрясен: груда сожженных людей. Из одного подпола вытащили труп ребенка лет шести. Уцелели ножки в холщовых онучах и новеньких лыковых лапоточках...» Останки, которые удалось собрать на пепелище, захоронили в братской могиле.

26 — 29 декабря 1945 года в Брянске состоялся суд над военными преступниками, причастными в том числе и к сожжению Олы. В качестве свидетелей на судебном процессе присутствовали одни из немногих выживших в

этом аду — Артем Устименко и Ольга Курлович. Приговором Военного трибунала Фридриху Густаву Бернгарду и Адольфу Гаманну назначена смертная казнь через повешение.

14 января 1944 года в дер. Ала, Парицкого района, Бобруской области прибыли немецкая воинская часть и жандармерия, которые подожгли деревню, сожгли и расстреляли более тысячи советских граждан.

Подсудимый БЕРНГАРД лично руководил карательными экспедициями в ряде районов Брянской и Бобруйской областей. Только по 4 районам Брянской области, куда лично выезжал БЕРНГАРД расстреляно, повешено и замучено свыше 9 тысяч человек.

В целях сокрытия следов массового истребления советских граждан и военнопленных, немецко-фашистские захватчики отступая под ударами Красной Армии, извлекали из могил трупы расстрелянных и замученных ими советских граждан и сжигали их.

Руководствуясь ст. 4 УК и ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР и учитывая степень виновности каждого из подсудимых, Военный Трибунал, —

П Р И Г О В О Р И Л

БЕРНГАРД Фридриха Густава, ГАМАНН Адольфа и ЛЕМЛЕР Мартина Адольфа — к смертной казни через повешение.

ШТАЙН Карла Теодора к 20 годам каторжных работ.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

После освобождения в деревню вернулись родственники погибших. И в 1948 году в Оле уже был отстроен 21 новый двор, возводились общественные постройки, заработала начальная школа. И все же дальнейшее возрождение деревни, находившейся за рекой, в труднодоступном лесном массиве, оказалось неперспективным. В 1969 году там осталось всего три двора, а в 1980-х — ни одной живой души.

В 2013 году на окраине бывшей деревни установили памятный знак и крест. До войны здесь жил Алексей Зыкун. Он ушел на фронт, а дома остались жена и восемь детей. Во дворе дома была землянка, куда во время облавы 14 января и спряталась вся его большая семья. Когда немцы их обнаружили, то бросили внутрь гранату. Вернувшись с фронта, Алексей Зыкун в память о родных установил крест.

Долгое время большой крест стоял и на братской могиле. В 2017 году почетный гражданин Светлогорска Изяслав Котляров предложил возвести небольшой мемориальный комплекс.

В декабре 2019 года во время встречи Главы государства со студентами и преподавателями медицинских вузов одна из участниц диалога рассказала Александру Григорьевичу о трагедии Олы и о проекте. Пообещав содействие, - Президент сдержал слово.

После того как объявили сбор средств, будущий памятник стал по-настоящему народным. На его строительство направили деньги, заработанные во время областного субботника в честь 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. 21 июня 2020 года мемориал официально открыт.

И пусть сегодня Олы нет ни на одной карте, память о ней и невинных жертвах жива в сердце каждого белоруса. Мы живем, пока помним... И помним, пока живем...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ О. Я. БЕЛОЙ:

«14 января оказалась в Оле. Нашу семью (мужа, детей, отца, сестру и двоих братьев) немцы вместе с другими людьми загнали в один сарай, а затем расстреляли. Чудом удалось выжить мне и сыну. Во время расстрела я присела и на меня упали стоявшие впереди муж и дети».

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ В. А. ГОВОР:

«Савецкія войскі падышлі да левага берага Дняпра восенню 1943 года. Акупанты ў гэты час умацоўвалі свае пазіцыі на правым беразе. Мой муж, камандзір узвода разведкі партызанскай брыгады «Жалязняк», перайшоў у распараджэнне вайсковага камандавання. Я засталася ў вёсцы Усход у доме сваіх бацькоў. Людзі з навакольных вёсак прабіраліся праз лясы далей ад лініі фронту. Ала — апошні пункт у гэтам напрамку. Мая маці Матрона Сямёнаўна была супраць таго, каб ісці ў Алу. Тым самым яна выратавала нашу сям'ю. Бацька Акім Фядосавіч, які быў партызанскім сувязным, правёў нас праз балота на маленькі сухі астравок, дзе мы выкапалі зямлянку і змайстравалі маленькую печку з комінам. Да Алы было каля 2 — 3 кіламетраў.

Раніцай 14 студзеня 1944 года з боку вёскі прагрымелі выстралы, забрахалі сабакі,

загаласілі людзі. Неўзабаве пацягнула чорным дымам. Потым усё сціхла. Ноччу бацькі прабраліся ў Алу, але там ужо не было ні людзей, ні вёскі. Засталіся адны чорныя коміны, галавешкі ды попел. Цудам выратавалася з агню наша суседка з вёскі Усход Вольга Белая са сваім сынам. Яе абпалены твар быў жахлівым напамінкам аб той трагедыі».

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ А. Н. НАУМЕНКО:

«14 студзеня 1944 года раніцай у вёску ўварваліся немцы і пачалі выганяць усіх з хат. Некаторыя нават не паспелі апрануцца, былі босыя (а мароз у той дзень стаяў моцны). Потым усіх з выкрыкамі «Русь — банда!» загналі ў хлявы. Хворых і нямоглых расстрэльвалі на месцы альбо травілі сабакамі. Так, хворага на тыф 17-гадовага хлопца, які не мог ісці, сабакі разарвалі сярод вуліцы.

Потым групамі па 15 — 20 чалавек выводзілі з хлявоў і заганялі ў хаты, якія падпальвалі. Тых, хто хацеў выскачыць з полымя, знішчалі кулямётамі. Ад разрыву гранат, кінутых у нас, я ўпала. Напэўна, мне ўсе-такі ўдалося выбрацца з полымя, бо калі прыйшла ў сябе, ляжала на снезе з абпаленай спіной. Была пашкоджана агнём і правая нага. Немцы хадзілі з сабакамі і дабівалі жывых. Адна псіна нават падышла да мяне, але, на шчасце, не кранула».

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ А. М. УСТИМЕНКО:

«Во время войны я партизанил. В тот страшный день пришел в родной дом. Своими глазами видел, как каратели с овчарками приблизились к деревне, окружив хаты. Подумал: «Пришли за мужиками». Забрался на чердак, услышал, как безжалостно выгоняют людей на улицу. Среди них были и мои — жена, три сына и две дочери... Почувствовал запах дыма, прыгнул на землю и затаился в кустах, где и пролежал до вечера. А когда стемнело, пошел к тлеющим домам...»